

ОБСУЖДЕНИЕ СТАТЕЙ М. Н. ШМЕЛЕВОЙ и С. И. ВАЙНШТЕЙНА ПО ПРОБЛЕМАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В. Р. Арсеньев (Ленинград)

В статьях М. Н. Шмелевой и С. И. Вайнштейна поднят давно назревший и, к сожалению, в последние годы несколько самотеком решавшийся вопрос об «этнографическом поле». Вопрос тем более важный, что полевая работа — не только источник формирования свода (корпуса) этнографических фактов, но и своего рода лаборатория, полигон проверки теорий и гипотез нашей науки.

В этих статьях (кстати, удачно дополняющих друг друга) затронуты основные аспекты полевых этнографических исследований, включая традиционное и современное в быту и социальной культуре этносов, арханку и инновации, материальную и духовную культуру (как опредмеченную, так и непосредственно воспроизводящуюся в живой деятельности людей) и многое другое.

Обилие возникающих в связи с этим проблем вынуждает остановиться лишь на некоторых, на мой взгляд, наиболее важных из них, в разной мере затронутых авторами.

Прежде всего, вопрос о необходимости разработки общих принципов и методов полевого этнографического исследования. Отечественная наука сделала несомненные успехи в развитии этнографической теории, в частности теории этноса и этнических процессов, в изучении архаических обществ и их институтов, сохранившихся в пережиточных формах у некоторых народов до наших дней. Особое внимание уделяется изучению трансформации этих институтов под воздействием крупных социальных и культурных преобразований, происходящих и в нашей стране, и в ряде зарубежных стран.

Разумеется, все это даст самую общую теоретическую базу для работы полевики, для создания их программ и вопросников, выбора тем и направлений исследований. Однако при разработке конкретных методических материалов, как правильно отмечает С. И. Вайнштейн, имеются и немалые сложности, в частности несогласованность этнографов-полевики относительно самих принципов такой разработки. Об этом свидетельствует и приведенная им цитата из статьи Н. И. и С. М. Толстых: «Практически вопросники, если они вообще используются, создаются самими собирателями совершенно стихийно и интуитивно».

Сам по себе «вопрос о вопросниках» требовал бы более подробного рассмотрения. Не подвергая сомнению их теоретическую и практическую пользу, думаю, что было бы опасно и «тотальное увлечение» этой методикой полевой работы (а такая тенденция усиливается с прогрессом точных наук и ростом их авторитета среди гуманитариев). Вопросник — это всегда более или менее жесткая схема, в которую зачастую сложно, а иногда и невозможно включить внезапно выявляющиеся в процессе

* Статьи М. Н. Шмелевой и С. И. Вайнштейна см.: Сов. этнография, 1985, № 3; при ссылках на эти статьи в тексте указывается лишь страница. Начало обсуждения статей см.: Сов. этнография, 1985, № 4.

опроса нюансы. А ведь именно в них нередко таится возможность новых направлений поиска! Вопросник при недостаточно умелом его использовании может стать своего рода барьером между исследователем и исследуемыми: позволяя получить статистически сравнимое в компонентах множество, он обезличивает участников опроса. Поэтому, вне всякого сомнения, сохраняется необходимость применения и давно известных приемов наблюдения — как «включенного», так и «невключенного», о фактическом использовании которых пишет М. Н. Шмелева.

Однако совершенствование методик и приемов полевых исследований, в частности их комплексного применения, не снимает вопроса о значении постоянной связи между общей теорией этнографической науки и методами полевого пополнения этой науки новыми фактами и проверки уже вошедших в ее основной фонд. Речь идет о необходимости совершенствования не только приемов, но и самих принципов полевых исследований. Эта работа должна идти одновременно как часть общего процесса совершенствования методологии и методики этнографии. Полевое исследование, по сути дела, эксперимент нашей науки и основа для контроля за ее фактической базой. В частности, целесообразно было бы учитывать «субъективный» момент как полевого этнографического исследования, так и стоящего за ним процесса познавательной деятельности. Под «субъективным» в данном контексте понимается деятельность самих ученых и представляемой ими науки как субъекта исследовательского взаимодействия в поле.

Взаимодействие исследователя с исследуемым этносом представляет сложную и чрезвычайно интересную проблему, изучение которой важно для критического осмысления уже накопленных полевых материалов и для более осознанного сбора новых. Ибо исследователь сам «сформирован» в рамках определенных национальных и социальных культурных традиций, т. е. можно говорить об изначальной заданности его позиции в исследовании. Думается, в каждом конкретном случае эта заданность должна быть учтена.

В известной мере полевая работа тоже может рассматриваться как культурное взаимодействие, характер и особенности которого весьма существенны для результата исследования, для возможностей его интерпретации.

В связи с этим может встать вопрос о «культурном расстоянии» между субъектом и объектом, конкретнее, между исследователем и информатором. Чем архаичнее изучаемая культура, тем больше культурное расстояние между ними.

Именно поэтому возникает проблема коммуникации и взаимопонимания исследователя и респондента, соответствия их понятийных и ценностных систем. Чем выше степень несоответствия, тем, видимо, большую роль будет играть проблема «языка» интерпретации и взаимодействия. Причем речь, разумеется, идет и о реальном языке общения (языке респондента), и о «культурном» (всей системы ценностей изучаемого этноса).

Сколь бы ни была конкретна научная проблематика полевой работы, необходимо знание общего контекста жизни изучаемого этноса (начиная от экологических условий, способов хозяйственной деятельности, форм социальной жизни и т. д. и кончая сферой духовной жизни). Только так, через соотнесение конкретного акта общения, выявленного предмета бытовой или ритуальной практики, других этнографических факторов с общей теоретической моделью данного общества (этноса), т. е. через их идентификацию, мы, собственно, и получаем научные факты, а не совокупность курьезов.

Объектом исследования всегда остается этнос, а конкретная проблематика полевой работы меняет только предмет исследования. Сам же объект, будучи явлением сложным, многоаспектным, многоуровневым, предстает в поле, как правило, в бытовых ситуациях. Ординарность или неординарность этих ситуаций в соответствии со стереотипами собственной культуры исследователя или его изначальной информированностью

о данном этносе заставляют его выделить новый этнографический факт или пройти мимо него.

В полевой работе, как известно, широко используют информаторов. Однако нельзя забывать, что они по-своему отражают общественное сознание, и осведомленность (компетентность) любого информатора определяется, в частности, его социальным статусом, индивидуальными способностями и т. д. В процессе полевого опроса нередко возникают ошибки вследствие неадекватно построенных взаимоотношений исследователя с информаторами (навязанная логика вопросов и ответов, или, например, заинтересованность информатора в разъяснении именно этих, а не иных фактов, в результате чего информация «упрощается» до уровня понимания исследователя, незнакомого со всем комплексом реалий). Надо помнить, что в любом обществе есть своя иерархия знания и сознания (от обыденного до идеологического) и каждый из этих уровней достоин изучения, но у информаторов они могут быть выражены неотчетливо.

Взаимодействие исследователя и респондента порождает определенную систему отношений, регулируемых стихийно или целенаправленно соответствующими нормами. В связи с этим правомерно, видимо, поставить вопрос об определенном «этическом кодексе исследователя». Ведь взаимодействие с исследуемым этносом, конкретными его представителями одним из своих последствий имеет прямое воздействие на это общество, на конкретных людей. Воздействие это заведомо многозначно.

Не следует стремиться к «сенсационным» открытиям, особенно в области духовной культуры (об этом, в частности, говорит и М. Н. Шмелева) и социального строя. Надо уважать и бережно относиться к эзотерическим знаниям и институтам изучаемых этносов, помнить, что даже сам факт исследования может привести к разрушению отдельных сторон исследуемого явления.

Подобные взгляды вполне согласуются с подходом к полевой работе как к практическому эксперименту. Уместно напомнить, что в технических науках давно поставлены вопросы о «чистоте» эксперимента, о погрешностях инструментария, о произвольном воздействии на исследуемые процессы. Практического решения этих вопросов должны, на мой взгляд, добиваться и этнографы.

Если же говорить о задачах полевых этнографических исследований, то, пользуясь лингвистической терминологией, позволю себе заметить, что исследователю надо стремиться получать как можно больше «текстов» по различным аспектам изучаемой этнографической реалии, чтобы отдельные факты, добываемые, в частности, анкетированием или наблюдением, могли при обработке материалов находить свое закономерное место в «контексте» этой реалии.

Мой почти пятилетний опыт пребывания в среде изучаемого этноса (бамбара — Республика Мали) показывает эффективность ограничения круга респондентов (экспертов) и получения от них целостных и протяженных «текстов» автобиографического, мировоззренческого и конкретно-бытового содержания.

Хочется надеяться, что предпринятое журналом обсуждение проблем полевых исследований — только начало возврата к этой важной теме и что методика исследований займет в нем должное место.

Ч. М. Таксами (Ленинград)

В статьях М. Н. Шмелевой и С. И. Вайнштейна подняты актуальные вопросы полевых этнографических исследований современности и традиционно-бытовой культуры народов СССР. Особое внимание уделено в них повышению результативности полевой работы. Основываясь

на своем многолетнем опыте полевого исследования народов Сибири, позволю себе высказать ряд соображений.

Сибирь — многонациональный регион. Промышленное освоение многих регионов Сибири способствовало притоку сюда мигрантов из других районов страны. Особенно резко увеличилось население северных автономных округов, где только за период с 1970 по 1981 г. оно возросло вдвое. Это обстоятельство привело к тому, что коренные жители северных районов оказались в инонациональной среде. И, естественно, в такой ситуации этнические и культурно-бытовые процессы достаточно сложны. Тем не менее многие устоявшиеся традиционные формы культуры не только сохраняются у коренных жителей, но нередко входят в систему современного быта тех народов, которые живут с ними вместе. Интернационализация традиционной культуры наблюдается как в области промысловой деятельности и оленеводства, так и в материальной и духовной культуре.

В полевых условиях мы наблюдали такое, казалось бы, парадоксальное явление: отдельные элементы традиционной культуры малых народов Севера, воспринятые в свое время русскими, подчас возвращаются к ним от русского населения (например, некоторые орудия морского зверобойного промысла, ловушки). Эти вторичные формы культуры возрождаются в новых социально-экономических условиях большей частью людьми молодого поколения. Изучение процессов сохранения прогрессивных элементов традиции становится чрезвычайно серьезной проблемой, имеющей большое научное и практическое значение. Особенно важно сберечь информацию о производственной культуре, орудиях труда, методах их изготовления и применения. Задача сегодня состоит в том, чтобы не утратить ценные народные традиции, которые могут оказаться полезными в условиях социалистического общества.

М. Н. Шмелева справедливо, на наш взгляд, ставит вопрос о необходимости исследования механизма зарождения, сохранения, трансформации и отмирания традиционных форм культуры в современных условиях. Следует подчеркнуть важность проблемы изучения адаптации коренного населения к новой сложной социальной среде (в том числе в промышленно развитых районах Севера) и пришлого населения к условиям Севера. Включение многих районов Сибири в сферу интенсивного промышленного освоения несомненно отражается на традиционных культурах. Из жизни народов исчезают многие их компоненты, в том числе сформировавшиеся в течение длительного исторического периода в соответствующей экологической среде. В этой связи представляется очень своевременной постановка С. И. Вайнштейном вопроса о необходимости изучения исчезающих комплексов культуры и тех, что стали уже памятниками прошлого.

В Сибири действительно еще много «белых пятен», о которых говорит С. И. Вайнштейн, и при работе на местах надо собирать исчерпывающий материал о малоизученных или совсем неисследованных явлениях. Заслуживает поддержки и его предложение об организации специальной научной конференции по проблемам методики полевых исследований. Мне представляется, что было бы целесообразным обсудить на такой конференции задачи экспедиционных работ по сбору материалов, связанных с «белыми пятнами» и обобщить имеющиеся сведения по регионам. Убежден, что выявились бы общие черты, характерные в данный момент для многих регионов.

Особо выделяется С. И. Вайнштейном проблема изучения этнографических памятников культуры. В наши дни во многих районах Сибири исчезают такие памятники, в том числе целые комплексы жилых и хозяйственных построек, причем некоторые уже трудно восстановить. Сохранению для истории ценнейших образцов народной культуры способствовало бы создание в ряде окружных и областных центров и в некоторых городах Сибири музеев под открытым небом. Для таких музеев желательно реставрировать, используя опыт людей старшего поко-

ления, старые строения, а в отдельных районах полностью воссоздать их. Этнографы-сибиреведы должны всемерно содействовать этому, а также заботиться о пополнении этнографических фондов уже имеющихся музеев. Желательно, чтобы каждый этнограф при обсуждении плана полевых работ получал конкретные задания по приобретению этнографических предметов и по выявлению их на местах. Уместно напомнить, что определенную работу по сбору коллекций проводят краеведческие и школьные музеи. Но во многих из них не ведется правильная документация собранных вещей, вследствие чего утрачивается их научное значение.

Печально, когда ценные этнографические коллекции попадают в частные собрания, причем зачастую не энтузиастов-любителей, стремящихся помочь науке, а случайных лиц, легкомысленных туристов. Чрезвычайно большой урон наносят те частные коллекционеры, которые нередко, по свидетельству жителей Севера, увозят из районов, особенно из старинных культовых мест, уникальные вещи. Пора пресечь подобные явления, причем действовать надо решительно, опираясь на «Закон об охране и использовании памятников истории и культуры». Памятники культуры — достояние всего советского народа, и их место в этнографических и краеведческих музеях.

С. И. Вайнштейн справедливо отмечает широкое развертывание этнографических экспедиций в нашей стране в советский период, что дает возможность исследователям наблюдать этнографические объекты повсеместно и в различные сезоны. Но всегда ли эти работы ведутся не только шире, но и глубже, чем, например, в 1920-е годы? Я в этом не уверен. Дело в том, что некоторые этнографы, занимающиеся сбором полевых материалов в различных районах нашей страны, слабо владеют языками изучаемых народов. Кроме того, теперь на полевые работы нередко выезжают на весьма небольшой (обычно до двух месяцев) срок. В этой связи хочется напомнить о деятельности этнографов-сибиреведов 1920—1930-х годов. Работая длительное время в северных районах, они овладевали языками изучаемых народов, что позволяло им собирать уникальные, бесценные материалы, которыми сегодня мы широко пользуемся. Думаю, что над этим стоит подумать современным исследователям-полевикам.

В настоящее время намного усложнились функции советской этнографической науки. Наряду с разработкой важных научных проблем этнографы нередко включаются в решение некоторых практических вопросов, связанных с дальнейшим совершенствованием быта и культуры коренного населения Сибири. Экспедиционная работа в районах Севера убедила меня, например, в том, что до сих пор недооценивается богатейший опыт жизнеобеспечения местного народа в суровых природных условиях. Последнее нередко приводит к утрате ценных культурных традиций, имеющих важное значение в современной жизни населения Сибири. Это обстоятельство требует от этнографов-полевиков более углубленного изучения здесь многовекового опыта народов и эффективной пропаганды прогрессивных форм их культуры.

Г. А. Сергеева (Москва)

Вопросы, поднятые в статьях М. Н. Шмелевой и С. И. Вайнштейна, волнуют каждого этнографа, занимающегося полевыми исследованиями как современности, так и традиционно-бытовой культуры. Уже давно стало очевидным, что методика и техника работы в поле (и в селе, и в городе) требуют дальнейшего совершенствования и унификации. Это касается и традиционных (личное наблюдение, собеседование, опрос, фиксация предметов материальной культуры и искусства с помощью рисун-

ков, чертежей, фото) и более современных методов (массовое анкетирование, применение опросных листов, информация экспертов, использование данных государственной и ведомственной статистики и др.).

В свое время советские этнографы разработали методику и принципы полевых исследований, которыми мы руководствуемся до сих пор¹. Однако многие наши программы и вопросники страдают узостью и локальностью. Они не рассчитаны на сбор сопоставимых материалов даже в пределах одного региона, что значительно осложняет развертывание сравнительно-типологических исследований, создание обобщающих трудов по отдельным проблемам.

Опыт работы на Кавказским историко-этнографическим атласом показывает, что у исследователей нет единого подхода к отбору единицы наблюдения (и картографирования). В одних случаях (Дагестан) во внимание принимаются и этнос, и территория, в других (Грузия) — главным образом территория. Встает вопрос о необходимости выбора наиболее эффективных путей определения единиц наблюдения и при разработке других этнографических тем. Не отрицая значения двух подходов — территориального и производственного, универсальность которых подчеркивается М. Н. Шмелевой, все же замечу, что при выборе подхода надо всегда учитывать этнический фактор, т. е. состав жителей (поли- или моноэтничный), с которыми предстоит работать. Ведь в задачу этнографа входит исследование различных явлений культуры, быта и их взаимосвязей прежде всего в пределах определенных этнических общностей, с учетом различных характеристик — демографических, социальных, культурных. Самой важной микроединицей наблюдения, независимо от темы, я считаю семью, которая аккумулирует все стороны не только внутрисемейной жизни, но и общественного и производственного быта представителей определенных трудовых коллективов, является хранительницей положительного опыта народа, его нравственных и эстетических представлений.

Особую важность приобретают вопросы подготовки и организации полевых исследований. Успеху последних способствуют не только профессионализм этнографа, но и его подготовленность к данному конкретному выезду. Известно, что в поле надо выезжать с четкой программой и хорошо отработанным инструментарием, со знанием состояния изученности выбранного объекта, быть достаточно информированным как о народе (этнической, территориальной, локальной группах), с которыми придется общаться, так и о его ближайших соседях. Не менее важны в полевой работе психологический и эмоциональный настрой исследователя, его контактность, которые помогают создать благоприятную обстановку и порождают доброжелательность и доверие местного населения. Участие в этнографических экспедициях людей неподготовленных в этом плане наносит нашему общему делу только вред.

С каждым годом становится все труднее собирать в поле материал по традиционной культуре, так как социалистические преобразования, индустриализация и урбанизация значительно нивелировали быт и культуру народов нашей страны. В связи с этим выезжающий в поле этнограф должен, на мой взгляд, не ограничиваться сбором материалов только по своей узкой теме, а фиксировать и наиболее интересные явления исчезающего быта, различные архаизмы, которые могут уйти в прошлое вместе с людьми старшего поколения, хранящими о них важную для истории информацию.

¹ См., например: Толстов С. П. Советская школа в этнографии. — Сов. этнография (далее — СЭ), 1947, № 4, с. 9—28; Читая Г. С. Принципы и метод полевой этнографической работы. — СЭ, 1957, № 4, с. 24—30; Жданко Т. А., Крупянская В. Ю., Терентьева Л. Н. Об организации и методике полевых этнографических исследований (Из опыта работы Института этнографии АН СССР). — СЭ, 1956, № 3, с. 25—49; Терентьева Л. Н. Некоторые итоги работы Комплексной экспедиции Института этнографии в 1959 г. — СЭ, 1960, № 6, с. 158; Рождественская С. В. Принцип и метод этнографических обследований в свете опыта использования счетных машин при обработке анкетных материалов. — Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук, т. 4. М.: Наука, 1967.

Еще один важный аспект деятельности этнографа в поле — это собирательская работа. Экспедиционному выезду, как правило, предшествует изучение литературных и музейных материалов, которые вводят исследователя в разрабатываемую тему. В частности, музейные экспонаты могут способствовать установлению достоверности уже собранных полевых сведений, а иногда являться и единственным источником. Поэтому этнограф должен постоянно заботиться о пополнении фондов как местных (краеведческих, народных), так и центральных музеев, особенно Музея антропологии и этнографии АН СССР и Государственного музея этнографии народов СССР. Примером этому может служить большая собирательская работа известных кавказоведов — Е. М. Шиллинга, В. К. Гарданова, А. А. Миллера, Е. Н. Студенецкой. Благодаря их усилиям наука не потеряла уникальные предметы быта, одежды, искусства, орудия труда многих народов Кавказа².

Экспедиционная деятельность этнографов всегда привлекала и продолжает привлекать внимание местного населения и таким образом способствует более бережному отношению к памятникам культуры прошлого, созданию школьных, а затем на их базе и народных музеев, как это было, в частности, в Адыгее после нашей поездки туда³.

Весьма ответственным для каждого этнографа-полевика является период обработки собранных материалов, их осмысления и систематизации. Именно тогда, как бы мы тщательно ни собирали и ни записывали сведения, возникают вопросы, требующие проверки и уточнения. Многие из нас эти вопросы снимают при повторных выездах, которые, к сожалению, в силу разных причин осуществляются не всегда так быстро, как бы нам этого хотелось. И здесь на помощь приходит давний способ — переписка этнографа со своими информаторами (корреспондентами), если, разумеется, с ними при первичном полевом выезде был установлен хороший деловой контакт. Такой метод получения информации с целью ее уточнения считаю достаточно действенным. Я использовала его при написании монографии «Арчинцы» (М.: Наука, 1967) и при сборе сведений для Дагестанского историко-этнографического атласа. Убеждена, что эпистолярное наследие этнографа и его корреспондентов могло бы составить отдельный фонд в научном архиве и стать важным источником для изучения истории этнографических полевых исследований.

И еще один важный момент. Эффективность наших исследований во многом зависит от координации деятельности научных учреждений близкого профиля, организующих экспедиционные выезды. Вряд ли целесообразно одновременное ведение работы в том или ином районе этнографов и специалистов смежных дисциплин (историков досоветского и советского периодов, социологов, искусствоведов). Это очень мешает сбору материалов и вызывает иногда у местных руководителей негативную реакцию. Может быть, наступило время поставить вопрос о выдаче «открытого листа» не только археологам, но и другим специалистам, в том числе и этнографам? Необходимо возобновить и практику проведения всесоюзных и региональных совещаний по координации научных исследований, по совершенствованию методики полевых работ.

² См.: Народы Кавказа. Каталог-указатель этнографических коллекций Гос. музея этнографии народов СССР. Л., 1981.

³ См.: *Сергеева Г. А.* Школьный краеведческий музей в Адыгее.— СЭ, 1961, № 4, с. 171—176.

Л. Н. Чижикова (Москва)

Полевые материалы — один из важнейших источников этнографической науки. Между тем, вплоть до последнего времени, издается сравнительно мало работ, посвященных методике полевых исследований, ее значению для развития современной этнографии. Поэтому публикация

статей С. И. Вайнштейна и М. Н. Шмелевой представляется весьма актуальной.

Сложность и многообразие задач, стоящих перед исследователем современной бытовой культуры сельского и городского населения, хорошо показаны в статье М. Н. Шмелевой. Глубокий анализ действительности с ее сложным широким спектром причинных связей и зависимостей, наряду с всесторонним изучением проблем культурной преемственности, возможен только при использовании комплекса методов полевой работы. М. Н. Шмелева правильно ставит вопрос о необходимости совершенствования методики полевой работы путем привлечения статистических материалов, проведения массовых обследований населения с помощью опросных листов и анкет. Вместе с тем она справедливо полагает, что массовое анкетирование необходимо сочетать с углубленным опросом населения и непосредственными наблюдениями исследователя.

Заслуживает особого внимания обсуждение одного из важнейших методов полевой работы — опроса изучаемого населения. В настоящее время используются два вида опроса: формализованное, стандартизованное интервью с помощью анкеты и вопросника и интервью в форме свободной и более углубленной беседы с информатором (респондентом). Второй вид интервью также проводится в рамках ранее составленной программы, опросного листа, но эта программа известна только этнографу (интервьюеру), для информатора же она остается как бы за кадром.

Применение того или иного вида опроса зависит от задач и проблематики исследования. При изучении многих компонентов материальной культуры, семьи, обрядов, этнического состава населения и др. самым продуктивным является сочетание массового анкетирования с углубленным опросом информаторов. Такая методика применялась при стационарном изучении колхозного крестьянства уже в 1950—1960-е годы и дала хорошие результаты. Однако, в последнее время, когда этнографическим обследованием обычно охватывается население крупных территориальных массивов, чаще используется только один из двух указанных видов опроса. Это происходит, по-видимому, не столько из-за недооценки того или иного вида опроса, сколько вследствие трудоемкости одновременного использования обоих способов. Обследование больших массивов населения требует длительной стационарной полевой этнографической работы, что, к сожалению, не всегда учитывается при планировании научных исследований.

Хочется еще раз подчеркнуть значение углубленных бесед с информаторами, без которых невозможно получить ценные сведения при изучении многих компонентов бытовой культуры. Этот вид интервью очень сложен, он требует от исследователя серьезной подготовки, больших знаний, опыта, творческой инициативы, и в то же время выдержки, такта, доброжелательности, личного обаяния. Именно благодаря исследователям, обладающим этими качествами, были получены действительно содержательные материалы, вошедшие в золотой фонд нашей науки. Такая затрата усилий должна быть направлена прежде всего на удачно выбранных информаторов, отличающихся природным умом, отличной памятью, наблюдательностью, понимающих поставленные исследователем вопросы. При изучении той или иной темы важно найти лиц (экспертов), которые разбираются в изучаемом вопросе (ими могут быть, например, строители при изучении жилища, организаторы свадьбы при фиксации свадебного обряда и т. д.). В качестве экспертов полезно привлекать местную интеллигенцию, работников советских и партийных учреждений. Хороший информатор — это большая удача собирателя, с ним целесообразно проводить беседы длительные и неоднократные. Для проверки полученных сведений по той или иной теме следует опрашивать нескольких информаторов — чем шире круг привлекаемых к опросу лиц, тем достовернее полученные сведения.

В статье С. И. Вайнштейна затрагиваются важные вопросы полевого изучения традиционных культур народов СССР. Автор обращает внимание исследователей на существующие еще пробелы в изучении отдель-

ных компонентов традиционной культуры, многие из которых уже исчезли или исчезают в наше время. Можно лишь добавить, что «белые пятна» отмечены не только в архаических, но и в более поздних слоях традиционной культуры.

С. И. Вайнштейн правильно указывает на целесообразность быстрейшего изучения и охраны этнографических объектов, находящихся в зоне новостроек. В сохранении памятников народного зодчества и старинных предметов быта огромна роль этнографических музеев под открытым небом (республиканских и областных), организованных в последние десятилетия. Этнографам надо усилить помощь этим музеям (пополнение фондов, консультации и т. д.). С сожалением приходится констатировать, что пока еще не удалось создать центральный этнографический музей русского народного зодчества под Москвой, организации которого много лет жизни посвятил известный исследователь русской архитектуры И. В. Маковецкий.

В полевой работе, на наш взгляд, наиболее продуктивно комплексное изучение этнографических явлений в самом широком его понимании. Всецело поддерживая обращение С. И. Вайнштейна о необходимости внимательного отношения к реликтам прошлого, считаем, однако, нецелесообразным снаряжать специальные экспедиции, «основной задачей которых было бы изучение исчезающих компонентов культуры» (с. 54). Исследователи, особенно выезжающие в отдаленные районы, должны стремиться фиксировать компоненты культуры, сложившиеся и развивавшиеся в разные хронологические периоды. Это тем более целесообразно, что реликтовые явления порой трудно вычленишь в такой сложной системе как культура. В ней, как известно, в ходе исторического процесса постоянно происходят изменения: исчезают одни элементы, развиваются другие, возникают новации и т. д. Многие компоненты современной бытовой культуры исторически многослойны. Ярким примером может служить сложный комплекс современного свадебного ритуала, бытующий во многих русских селах. В нем наряду с возникшими в конце XIX — начале XX в. и в советское время компонентами, многие из которых в свою очередь стали традиционными, наблюдаются и пережитки архаических форм обычаев, верований, семейно-брачных отношений, отразившие социальные, правовые, религиозные представления народных масс разных исторических эпох. Элементы, возникшие в разные исторические эпохи, можно наблюдать и в современном жилище, пище, народных праздниках и др. Поэтому в полевых условиях целесообразнее комплексное изучение как бытующих, так и уходящих из жизни явлений культуры во всем их многообразии и историческом развитии. Это подчеркивается и в статье М. Н. Шмелевой.

Учитывая отмеченную историческую многослойность ряда явлений современной бытовой культуры, слишком условным выглядит, на наш взгляд, предложенный С. И. Вайнштейном термин «старотрадиционная» культура, сложившаяся «в условиях очень длительного докапиталистического развития...» (с. 53). Остается неясным, к какому же времени автор относит формирование «традиционной» культуры?

Хочется поддержать предложение авторов обсуждаемых статей о необходимости более широкой публикации как самих материалов полевых исследований, так и разработок по методике их проведения. У исследователей, десятки лет выезжающих в экспедиции в различные районы и изучающих разнообразные аспекты этнографической науки, накоплен огромный опыт полевой работы. Это было продемонстрировано, например, на семинаре «Методика полевой работы», созданном в 1982 году для аспирантов, стажеров и молодых специалистов Института этнографии АН СССР. В течение четырех лет на семинаре было прочитано более 30 лекций, в которых научные сотрудники Института, исследующие различные этнографические и этносоциологические проблемы, делились с молодежью опытом своей полевой работы. Эти лекции показали, что наряду с общепринятыми методами, каждый исследователь использует и свои специфические приемы выбора информаторов, их опроса, способы

проведения массового анкетирования, фиксации полевых материалов и т. д. Публикация работ, в которых был бы обобщен подобный опыт полевых исследований, несомненно способствовала бы повышению их результативности.

И. П. Березовский (Киев)

Статья М. Н. Шмелевой «Полевая работа и изучение современности» представляется весьма интересной и актуальной. Рассматривая, казалось бы, лишь одну проблему (о характере и методике полевой работы этнографа, исследующего современность), она затронула довольно широкий круг важных теоретических вопросов и конкретных задач изучения традиционно-бытовой культуры народа на современном этапе, в условиях развитого социализма.

Последовательно соблюдая принцип конкретно-исторического подхода к самому разному в генетическом и функциональном отношении фактическому материалу, освещающему современный быт широчайших слоев трудящихся, рассматривая его в свете основных задач советской этнографической науки, М. Н. Шмелева акцентирует внимание на наиболее важных и перспективных аспектах этнографического изучения современности.

Органическое сочетание вопросов чисто методического плана, возникающих в процессе полевой работы, и вопросов теории самой этнографической науки, встающих в ходе осмысления происходящих в быту народа на современном этапе глубинных процессов, составляет одну из характерных особенностей статьи М. Н. Шмелевой. Методика полевой работы этнографа, изучающего современность, наряду с чисто практическим значением предстает, таким образом, и как весьма важная методологическая проблема советской этнографии.

Задачи углубленного изучения современного быта и совершенствования методики полевой работы его исследователей представляют большой интерес и для украинских этнографов. Ведь этнографическое изучение передовых колхозов на Украине начало разворачиваться уже в первое послевоенное десятилетие (работы Г. Е. Стельмаха, Д. М. Косарика и др.). Тогда же были предприняты попытки подобного изучения отдельных заводов (А. С. Куницкий и др.). В дальнейшем (в 1960-е гг.) активизируется исследование культуры и быта рабочих (В. Т. Зинич, Н. П. Приходько, Ю. Г. Гошко, С. А. Макаруч и др.). В связи с этим, разумеется, не могли не вставать и проблемы разработки методики этнографического изучения современности (в частности, быта рабочих).

Обстоятельная, опирающаяся на огромный фактический материал, впитавшая как большой личный опыт автора, так и наблюдения многих других ученых, аналитическая по своему характеру статья М. Н. Шмелевой дает убедительные ответы на многие первостепенной важности вопросы методики работы этнографа-полевого, изучающего современность.

Исходя из установившихся в советской этнографии несколько расширенного и более узкого толкований содержания самого понятия «современность», М. Н. Шмелева вполне резонно утверждает, что в зависимости от конкретных задач, стоящих перед исследователем, уже на этапе полевой работы возможно применение разных приемов выявления и освещения фактического материала. С целью более полного постижения сущности процессов, протекающих в сфере современного быта, этнограф с успехом может использовать различные методы — синхронный и диахронный, генетический и функциональный, сравнительный (нередко предусматривающий сопоставление «старого» и «нового»), метод поэтапного освещения развития определенного явления в его социальной и исторической обусловленности, перманентных и гетерогенных связях, самых

разных культурных и межнациональных взаимодействиях, простое описание непосредственно наблюдаемого явления, установление на основе опроса очевидцев и свидетелей характера и тенденций трансформации, особенностей «угасания» уже исчезнувших из живой бытовой практики обычаев, метод широкого анкетирования и т. д.

Конечно же, и в условиях полевой работы при отборе и фиксации материала этнограф должен постоянно помнить о весьма сложном и порой довольно противоречивом характере многих явлений традиционно-бытовой культуры, составляющих главную предметную область этнографии (скажем, как непосредственный — от поколения к поколению, так и нередко дискретный путь передачи традиций; учитывать полифункциональность некоторых элементов быта; различные адаптационные возможности разных национальных и социальных групп в условиях новой среды; особенности воздействия на традиционные формы быта нового комплекса нивелирующих факторов, стандартизирующих начал на каждом конкретном этапе развития общества и пр.).

На наш взгляд, традиционный для этнографической науки метод непосредственного наблюдения применительно к современной практике полевой работы надо рассматривать в более широком плане. Ведь, в сущности, и «метод получения сведений от населения путем опроса» (с. 49), и «опрос, фотографирование, звукозапись» (с. 50) являются органическими составными того же метода непосредственного наблюдения.

Думается, что при постановке вопроса о методике этнографического изучения современности следовало бы несколько четче определить место этносоциологических исследований, получивших в последнее десятилетие заметное развитие. Несомненно, это также важная линия исследований, но она, как нам представляется, имеет сугубо свои, более узкие задачи. Между тем в последнее время исследование этнографами современного города несколько, кажется, сместилось в сравнении с первоначальными замыслами. Оно в ряде случаев как бы подменяется этносоциологическими исследованиями отдельных компонентов быта, культуры и образа жизни городского населения. Поэтому сейчас следовало бы, по-видимому, ставить вопрос о необходимости развертывания широкого поэтапного, как писал в 1950-е годы П. И. Кушнер (с. 45), изучения современности.

Этнографы Украины в настоящее время продолжают исследование вопросов современной культуры и быта, современных этнических процессов, новой обрядности социалистического города (этим, в частности, занимаются молодые ученые Г. Б. Бондаренко, В. Д. Конвай, А. А. Шевченко, А. И. Климко и др.). Но зачастую оно продвигается с трудом в связи с недостаточной разработанностью методики изучения современности. Статья М. Н. Шмелевой, в которой рассматриваются интересные и результативные методы и приемы исследования современности в полевых условиях, думается, должна во многом помочь нашим этнографам.

Хочется надеяться, что статьей М. Н. Шмелевой положено начало систематическому углубленному освещению на страницах журнала «Советская этнография» весьма важного вопроса — о предмете советской этнографии и ее методике.

В. Ф. Горленко (Киев)

В статье С. И. Вайнштейна подняты два важных взаимосвязанных вопроса, касающихся развития этнографической науки: 1) о необходимости активизации изучения традиционно-бытовой культуры, которая катастрофически быстро исчезает; 2) о важности дальнейшего развертывания, совершенствования и достижения более высокой результативности полевой собирательской работы. Тезис автора о «повышении эффективности» экспедиционных исследований заслуживает, на наш

взгляд, всяческой поддержки. Обеспечивая этнографическую науку столь необходимым для нее животворным первичным материалом, полевая экспедиционная работа является непреложным условием ее существования.

В советской этнографической науке вопросам методики полевых этнографических исследований (в том числе и традиционно-бытовой культуры) уделялось и уделяется немалое внимание. Можно сослаться на опубликованные в журнале «Советская этнография» в 1950-е годы статьи Г. С. Читая «Принципы и метод полевой этнографической работы» (1957, № 4), Т. А. Жданко, В. Ю. Крупянской и Л. Н. Терентьевой «Об организации и методике полевых этнографических исследований» (1956, № 3), а также на специально посвященную этим вопросам книгу Г. Г. Громова «Методика полевых экспедиций» (М., 1966). В современных условиях, когда в этнографию пришло немало молодых исследователей (в частности, в связи с созданием музеев под открытым небом), нередко не имеющих специальной этнографической подготовки, этого явно недостаточно. К тому же и книга Г. Г. Громова, и названные номера журнала «Советская этнография» стали библиографической редкостью. Изданные же в последние полтора десятилетия, в частности Институтом этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая, методические пособия, программы и анкеты предназначены преимущественно для проведения этносоциологических исследований. На Украине в послевоенные годы не издано ни одного методического пособия по этнографии, если не считать нескольких анкет, имеющих узкопрактическое значение.

В этих условиях нельзя не заметить нарастания у части исследователей дилетантизма в полевой собирательской работе, тенденции собирать материал «наскоками», обращая внимание лишь на самое необходимое для разрабатываемой ими темы, относясь недостаточно критически к получаемым сведениям. Забыты или предаются забвению многие, представляющиеся на первый взгляд второстепенными, не существенными, но в действительности очень важные требования полевой собирательской работы.

В связи с этим своевременным и актуальным, на наш взгляд, является предложение С. И. Вайнштейна о подготовке и «созыве научной конференции, посвященной методике полевых исследований», которая способствовала бы популяризации лучших традиций экспедиционной работы, ее углублению и совершенствованию.

Заслуживает в целом поддержки и постановка С. И. Вайнштейном вопроса о необходимости сосредоточения внимания на «полевом изучении традиционных культур народов СССР». Так, он совершенно прав, предлагая наладить «регулярную публикацию итогов полевых работ». До настоящего времени эту проблему не удалось решить и украинским этнографам, хотя они, действительно, находятся в лучшем положении по сравнению со своими коллегами из других республик, поскольку в УССР издается свой журнал «Народна творчість та етнографія».

Достойным внимания представляется предложение С. И. Вайнштейна о подготовке и издании «многотомного труда» по «исторической этнографии народов СССР», сосредоточении внимания на ликвидации так называемых «белых пятен» в изучении традиционно-бытовой культуры, в частности народных знаний. Действительно, утрачиваются ценнейший народный опыт ведения сельского хозяйства, знания в области технологии многих промыслов и ремесел, забываются народные трудовые традиции и навыки. Современное молодое поколение не имеет представления, например, о том, как получить из картофеля крахмал, тогда как в прошлом это было известно каждому крестьянину.

Вместе с тем относительно выдвигаемых С. И. Вайнштейном предложений о развертывании изучения традиционной культуры мне хотелось бы высказать некоторые соображения. Прежде всего о путях выявления «белых пятен» (с. 56). Конечно, публикация предлагаемого труда по исторической этнографии поможет обнаружить пробелы в нашей науке, но подготовка многотомных изданий растягивается обычно не на один

десяток лет. Многие из того, что еще не поздно сейчас зафиксировать, будет за это время утрачено.

Если попытаться перевести предложения автора в русло, так сказать, конкретных шагов по выявлению имеющихся «белых пятен», то, думается, хороший и относительно скорый результат (а в этом деле нужно спешить) можно получить, запланировав работу историографического профиля с определенной тематической направленностью: изучение народных знаний, ремесел и промыслов, трудового опыта и пр. Причем такая работа должна быть заранее спроецирована на выявление пробелов в изученности каждой из этих тем. Подобные исследования, естественно, должны осуществлять специалисты, обладающие большой эрудицией. Пробелы в изученности конкретных разделов традиционно-бытовой культуры тех или иных народов нашей страны в немалой мере вызваны определенной недооценкой исследований в области историографии этнографии. Известно, что планирование научной работы в этнографических учреждениях, как правило, спроецировано в основном на ликвидацию «белых пятен». Даже при определении тем дипломных и кандидатских работ, где элемент стихийности обычно выше, преобладает плановое начало, а желание подавляющего большинства молодых исследователей идти «непроторенными тропами» также приводит к стремлению ликвидировать эти пятна. Беда заключается в плохом знании начинающими исследователями состояния изученности конкретных разделов культуры тех или иных народов. Поэтому одним из важнейших путей «проведения специальной предварительной работы по выявлению имеющихся пробелов в фиксации отдельных компонентов традиционной культуры» (с. 55) должно стать, на наш взгляд, развертывание историографических исследований.

Попытка С. И. Вайнштейна разделить, хотя и «условно», традиционную-бытовую культуру на «старотрадиционную» и просто «традиционную» нуждается в более обстоятельном обосновании. Предложенные критерии такой дифференциации («докапиталистическая» и «сложившаяся в более позднее время») представляются недостаточными. Ведь принадлежность конкретных элементов культуры к тому или иному историческому периоду можно определить только в ходе ее обстоятельного описания и анализа. Выборочный (по принципу «старотрадиционная» — просто «традиционная») подход к изучению культуры народов нашей страны вряд ли возможен. И что дает в научном и методическом отношении подобная дифференциация традиционно-бытовой культуры? С. И. Вайнштейн считает особенно важным исследование «старотрадиционной» культуры. Правомерно, однако, поставить вопрос: где, в каких пластах культуры — древних или сравнительно новых — больше положительного народного опыта, который нужно сберечь? Скажем, приобретение упомянутых навыков получения из картофеля крахмала относится, надо полагать, к периоду капитализма, так как культивирование картофеля в Европе началось уже в новое время. Следует ли этнографу в таком случае обходить их, как сравнительно поздние и не представляющие поэтому для науки интереса?

Высказанные нами соображения не снижают, конечно, значения поставленных в статье С. И. Вайнштейна вопросов. В последние десятилетия советская этнографическая наука достигла больших успехов в разработке теоретических проблем. Думается, что обсуждение и практическая реализация предложений С. И. Вайнштейна будут способствовать повышению уровня и полевой работы, направленной на ликвидацию пробелов в изучении традиционной культуры.